

КВАРТИРА В СТРОЯЩЕМСЯ ДОМЕ

ДЖЕРРИ

12+

Джерри Джерри

Квартира в строящемся доме

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Джерри Д.

Квартира в строящемся доме / Д. Джерри — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Свобода смеяться — это то, с чем мы рождаемся. Ее нельзя удалить хирургическим путем, отбить в драке, отсудить или украсть. Свободой смеяться можно пользоваться всегда и везде. И если вдруг кажется, что сейчас это неуместно, ведь вокруг такое творится — значит, самое время. «Квартира в строящемся доме» — это сборник рассказов. Книга публикуется в авторской орфографии и пунктуации

Содержание

Компромисс	5
Дискриминация	7
Круговорот	9
Цикл И об	10
И о позитивном мышлении	10
И о красоте	11
И об одиночестве	14
И о мести	16
И об отключке	17
И о справедливой цене	20
Цикл «В стране воображаемых»	22
Воображаемый друг	22
Туда и обратно	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Компромисс

– Мы перестали ценить простые радости: сыр и вино в холодильнике, свежий хлеб с хрустящей корочкой...

– Свежий хлеб вреден для желудка. Хлеб надо есть после того, как он полежит день-два.

– И не хлеб это вовсе, а сдоба, вы видели сколько туда сахара бросают? И яйца, и дрожжи эти... Вы вообще знаете, что все подростковые прыщи – из-за дрожжей? Есть можно только бездрожжевой хлеб!

– И только на муке грубого помола!

– Лучше на ржаной. Все застои и газы выводит из кишечника.

– Хммм. Ну хорошо. Мы перестали ценить простые радости: сыр и вино в холодильнике...

– Вино? Вы называете эту подслащенную воду вином?

– Нормальное вино вызревает минимум пять лет!

– Вы с коньяком путаете, уважаемая.

– Что я путаю, да я все знаю, да я это вино всю жизнь вызреваю! И вообще – вино вредно!

Эта ваша пропаганда алкоголизма...

– Ладно-ладно, извините! Мы перестали ценить простые радости: сыр в холодильнике...

Как-то странно звучит. Ну, ладно: простые радости – сыр в холодильнике.

– Где вы сыр у нас на прилавках видели? Это сырный продукт, а не сыр! Вы вообще сыр нормальный пробовали? Вы бывали в Италии, например, или Греции, пробовали тамошний сыр?

– Уважаемая, ну что вы разоряетесь, у нас тоже встречаются неплохие сыры. Российский, например.

– Сыр – это отравка! Вы знаете, что у большинства людей на Земле непереносимость лактозы? Особенности строения кишечника у людей не предполагает употребления молочных продуктов, потому что они вызывают брожение, гниение и офигение, а также создают благодатную почву для вредоносных бактерий...

– Хорошо, хорошо, хватит, я понял! Мы перестали ценить простые радости!

– А радости бывают сложными?

– Как вам не стыдно говорить о радости, когда в мире столько детей-инвалидов и бездомных котиков?

– У вас сердце вообще есть? Вас мать родила или камень?

– Окей. Мы перестали ценить.

– Уважаемый, формулируйте ваши мысли как-то более четко. Вот вы пишете: «Мы перестали ценить». И точка. Точка, уважаемый!» А что мы перестали ценить? Почему? Когда и в каких обстоятельствах мы перестали ценить? Добавьте интриги, добавьте жизни в вашу мысль, что ли!

– Мы... перестали... ценить... ентов? – неуверенно.

– Нет, ну вы поглядите на него, а! Он не знает, что ценить надо! Труд матери ценить надо! Землю родную! Вот вместо того, чтобы сидеть тут и буквы свои глупые писать, стал бы на колени и поцеловал родную землю!

– Взасос? – с ужасом.

– А хоть бы и взасос!

– Мы перестали ценить труд матерей и родную землю, – с черным ртом после поцелуя с родной землей взасос.

– Знаете, уважаемый, я тут стоял, смотрел, как вы то пишете, то не пишете, то людей слушаете. Я не хочу показаться навязчивым, но вы лучше совсем не пишите, хорошо? А то вот

вы пишете: «мы перестали ценить труд матерей и родную землю». Но это же ба-наль-щи-на! Об этом писано и переписано! Разве сможете вы сюда добавить хоть одно новое слово, хоть одну новую мысль, оттенок, привкус? Разве сможете вы...

– Я перестал ценить жизнь! – с надрывом.

– Вот умеют же люди сделать драму из ничего, а!

– Да у меня депрессия еще с прошлой жизни длится!

– А меня вообще поезд переехал! Читал про Айболита, который зайчику ножки пришил?

Так он у меня их прежде отрезал!

– Эти миллиеналы вечно с жиру бесятся!

– Жалуется он, посмотрите только, а! Да я в твои годы уже пять детей имел и семь внуков!

Да я в твои годы...!

молча застрелился

– Истеричка, – сплюнули с презрением и ушли.

Дискриминация

В этот раз я решила не переплачивать за приоритетную посадку в самолете, и поэтому, когда пробралась к своему месту, увидела на сидении рядом сумку. Дорогую кожаную сумку с высокими ручками. В аккурат такую, чтобы сложить самые нужные вещи и рвануть на выходные в какую-то приятную европейскую столицу с вечерними ярко освещенными верандами и высокими шпилями готических соборов. Симпатичная сумка, словом. Но почему она на сидении?

– Могли бы и на полку положить, – машинально подумала я, пролезая к окну. Знаете, бывают мелочи, которые внезапно страшно раздражают. Хотя я вполне допускаю, что просто не выпалась и из-за этого не в духе. Села. Стащила с себя кофту, выворачиваясь, будто в меня вселился цирковой акробат. Пристегнулась. Достала книжку; люблю бумажные. Покосилась снова на сумку – та, конечно, молчала с самым невинным видом, не выдавая ни себя, ни своего хозяина.

– Ладно, – решила я про себя. – А вдруг хозяин – какой-то молодой красавчик-миллионер, притом преступно неженатый? Многообещающий полет.

Но вот уже задраены все люки, и стюардесса с невозмутимым лицом инструктирует пассажиров, а хозяина сумки все нет. Мы уже взлетели – а хозяин так и не пришел.

– Девушка, – подозвала я стюардессу. – Тут какая-то подозрительная сумка. Может, ее террористы подбросили?

– Все в порядке, – улыбнулась та. – Билет пассажира отвечает занятому месту.

– Да ладно, – удивилась я. – Разве сумка может лететь без хозяина? Разве ее не надо сдавать в багаж или пересылать как-то по-другому?

– Милочка, – закрипел противный голос рядом. – А вы почему одна и без сопровождающего мужчины летите?

Я стала вертеть головой, стараясь определить источник звука. Стюардесса указала глазами на сумку.

– Я вас спрашиваю, дорогуша, почему молодая девушка позволяет себе лететь без мужчины рядом? С каких это пор женщинам такое разрешено? В свое время так поступали лишь профурсетки, – скрипучий голос действительно принадлежал сумке.

– Извините, это вы? – на всякий случай осторожно переспросила я.

– Еще и как я! – продолжала возмущаться сумка. – Почему если ты – сумка, то с тобой даже никто всерьез разговаривать не будет? Тебя все норовят сдать в багаж и возмущаются, что ты без хозяина. Вопиющая дискриминация!

– Мы просто привыкли к тому, что сумки обычно чьи-то, – примирительно сказала я.

– Нелепая вещистская культура, – надулась сумка. – А я, может, уже на пенсии и решил посмотреть наконец на Эйфелеву башню?

– Я же не против, – оправдывалась я. – Просто для меня это очень необычно...

– Еще бы, – бухтела сумка. – Вы привыкли набивать нас чем попало, ставить на грязный пол, царапать или, что еще хуже, приземлять на нас свои ягодицы. Сумка – и без хозяина? Быть такого не может! Верно? А что, если я Шопенгауэра и Ницше всего читал, а? Кого из вас вообще заботит, что за кожаной отделкой у нас скрывается богатый внутренний мир?

Я еле успела отвернуться к окошку, чтобы не прыснуть со смеху и не задеть чувства старой кошелки.

– И, если вас это интересует, – продолжал сумка, – я 30 лет служил у одного профессора медицины. И уж поверьте: образование мое – почище вашего будет! Разве я не могу на старости лет, когда мой... хм-хм... патрон меня выбро... хм-хм... дал мне небольшой отпуск... разве не могу я съездить за границу и побывать в местах, о которых столько написано и прочитано?

– Я не сомневаюсь ни в вашем образовании, ни в ваши заслугах, – я старалась быть очень вежливой. – Просто мне не до конца понятно, как вы самостоятельно сюда добрались.

– Ну милочка, не все такие узколобые, как вы, – покровительственным тоном заскрипела сумка. – Мир не без добрых людей. И не без подставок с колесиками.

– А в салон самолета как вы попали? – любопытствовала я.

– После досмотра на паспортном контроле я потребовал, чтобы меня сопровождал сотрудник аэропорта, – объяснила сумка. – Я обещал подать на них в суд, если они приклеят ко мне хоть одну свою яркую наклейку. Эти остолопы меня трижды чуть не отправили в багаж. К запыленным пролетариям, – добавил с брезгливостью.

– Так у вас тоже есть классовая принадлежность? – изумилась я.

– «Тоже»??? – вспыхнул мой собеседник.

– Простите, – я благоразумно решила заткнуться и уставилась в окошко. За ним проплывали величественные замки из облаков. Мой сосед немного покряхтел, побурчал что-то в адрес моей сообразительности и вскоре заскучал.

– Милочка, а не будете ли вы столь любезны взять меня на колени, чтобы я мог лично лицезреть пейзаж за окном? – снова заговорил сумка. – Я, знаете ли, обычно летал в пространстве без окон и не мог видеть такую красоту. А с моего места решительно ничего не видно.

Желая выслужиться и тем самым исправить мнение сумки о роде человеческом, я схватила соседа и усадила себе на колени. Внутренне замерла: интересно, ЧЕМ сумки смотрят?

Сперва сумка смиренно сидел на коленях, но затем стал чуть ерзать.

– А у вас симпатичные коленки, – заметил сумка. – Только бедра чуть полноваты, как по мне.

– Ах ты дрянь! – воскликнула я, отшвырнув старого охальника на соседнее место. – Как тебе не стыдно?

– Ай брось эту мнимую стыдливость, – мне показалось, что сумка скорчил брезгливую рожу. – Все вы женщины одинаковы. Только и думаете, что об удачном замужестве.

– Чтоб тебя, – надулась я. – Ручки протерлись, а туда же! Серьезную персону из себя корчит! Сексист старый!

– Вещистка! – громко возмутился сумка.

Дальше летели молча.

– Послушай, деточка, – примирительно заговорил он, когда мы пошли на посадку. – Взлет я пропустил, беседа с тобой. Не обессудь, помоги старику – возьми меня на ручки, чтобы я увидел, как мы будем приземляться. Мне страсть как интересно!

– Сиди где сидишь, казанова из кождама! – я мстительная.

– Ах ты стерва, – вздохнул сумка. – Ну ничего, будешь вылезать после посадки – знай, с моего места отлично видны твои ослепительные ляжки под юбкой.

– Девушка, – позвала я стюардессу. – А можно вас попросить спрятать эту сумку на верхнюю полку?

– Сожалею, но у этого пассажира есть билет и мы не можем отправить его к багажу, – вздохнула стюардесса. – Засудит, сами знаете – в вопросах дискриминации суды бывают очень необъективны. Нас уже в прошлом месяце засудила одна сумка на колесиках, не хочется повторений.

– Он ко мне приставал! И за коленки меня хватал! – выложила козырь я.

– Мерзавец, – ахнула стюардесса и не без брезгливости взглянула на старого распутника. – А на вид такая приличная кожаная сумка! Стыдитесь, изделие!

И, не взирая на протесты моего кожаного соседа, его подхватили за ручки и изолировали в туалете – до прибытия в аэропорт, где им должны были заняться правоохранители. Я напоследок показала сумке язык.

Потому что сумкам место в багажном отделении! Sic!

Круговорот

Птицыну нравилось, когда на карниз прилетали голуби и урчали так, будто проклинали его. Это было и пугающе, и забавно. Чтобы голуби урчали подольше, Птицын стал кормить их зерном. Голубям эта идея понравилась: они весело дрались и толкались. Птицыну эта кутерьма тоже нравилась, даже больше, чем проклинающее урчание. Вот только зерно от голубиной суеты скатывалось по наклонному карнизу вниз, под окно. Птицы, когда им надоедало толкаться, стали спускаться вниз и склевывать корм с земли. Птицын жалел, что голуби проводят с ним так мало времени, и он стал подсыпать зерно на карниз чаще, чтобы смотреть на драки дольше, и все больше зерен летело на землю. В скором времени голуби стали толстыми и ленивыми. Этим решили воспользоваться котики. Они охотились на птиц, когда те прилетали кормиться под окном. Однажды утром это заметила юная и свежая дева, которая спешила на работу.

– Бедные голодные котятки! – воскликнула дева. – Они кушают сырых и дурно пахнущих голубей, какой кошмар!

Рядом с ней остановилась другая юная дева, одетая в фиолетовый пояс и также стала сокрушаться. Видя такое, со всей улицы стали собираться девы первой и второй свежести. Они жалели и гладили котиков.

Привыкнув к тому, что у него под окнами собираются юные девы, Птицын стал выходить на улицу, чтобы поближе разглядеть их. Он прохаживался по противоположной стороне улицы, будто невзначай посматривая в сторону дев с их яркими поясами и юбками. Вскоре вместе с Птицыным стали прохаживаться ушлые холостяки. Они подкручивали усы, в основном свои, но порой не гнушались соседскими, и приговаривали, глаза на дев:

– О-хо-хо!

Раз уж на охоту вышли холостяки, пришли и миссионеры. Но они не подкручивали усы, потому что были гладко выбриты. Также они не пялились на дев, а вместо этого поучали холостяков, угрожая Чистилищем. Холостяки немножко переживали, один даже искренне уверовал и сбрил усы.

За всеми этими хлопотами с девами и миссионерами Птицын совсем забыл подсыпать зерно голубям. Они похудели и улетели харчеваться в другое место. Девы разобрали котиков по домам, а холостяки вернулись в Интернет – писать гадости в социальных сетях. Вернулся домой и Птицын. Какое-то время он изучал описания венерических заболеваний в средневековой церковной литературе и сильно увлекся этим занятием. Однажды после бессонной ночи с манускриптами Птицын обнаружил на карнизе в кухне голубя, который хохлился и проклинал, урча. Птицын механически насыпал голубю зерна. Налетела целая стая, которая начала толкаться и драться, рассыпая угощение на землю под окном.

В этот момент в соседнем городе молодой миссионер поцеловал маму в щеку, пообещал привести к вере как можно больше холостых грешников и зашел в поезд.

Цикл И об

И о позитивном мышлении

Маленькая несчастная девочка не мигая смотрела на огромного злого дракона. Девочку, на которой было лишь легкое и порядком изодранное платьице, колотило от холода; сильный ветер буквально пронизывал насквозь.

Дракон был огромен. Он не торопился есть маленькую несчастную девочку, описывая вокруг нее неспешные круги и замыкая ее в свои смертоносные объятия. Девочка не плакала, только дрожала всем телом.

– Понимаешь, – вдруг зашипел Дракон, – ты сама притягиваешь негатив в свою жизнь. Нужно смотреть на все позитивней, нужно улыбаться, даже если не хочется. Просто старайся не замечать, если происходит что-то плохое. Отвернись от него – и беды будто нет, правда?

– И как мне это сейчас должно помочь? – бескровными губами прошептала маленькая несчастная девочка.

– Это бесценный мудрый совет на все случаи жизни, – прошепестел Дракон над левым ухом девочки, будто невзначай лизнув ее щеку. – Если ты будешь позитивно смотреть на мир, то мир будет позитивно смотреть на тебя и подарит все, о чем можно мечтать. Не надо работать. Не надо уставать. Не надо думать! Просто будь позитивной.

Тогда маленькой несчастной девочке не осталась ничего, кроме как достать примотанный к ноге большой кухонный нож, нарезать Дракона и наготовить из него на две недели котлет.

Потому что задолбал.

И о красоте

А одна женщина Люся ходила по магазину, искала, где гречка, да случайно забрела в отдел косметики. Идет мимо полки с яркими бутылочками, очень гордая и независимая, потому что несолидно это – глупостями всякими заниматься. Но сама, конечно, поглядывает краем глаза на полку – а вдруг там что-то ну совсем чудодейственное, да еще и за полкопейки. И тут у ней аж сердце заколотилось, почуяло: рядом волшебство. Пригляделась Люся – а на полке неприметная бутылочка стоит, серенькая мышка среди ярких своих товаров, но сразу видно, что непростая бутылочка. Разве станут что попало наливать в неприметную бутылочку? Если бы глупость какую налили, так непременно бы десять наклеек одна другой ярче нацепили! Так подумала женщина и сразу стала бутылочку эту в руках крутить. На той написано: «Антицеллюлитный крем». Подумала женщина, посмотрела на ценник, вздохнула, еще раз посмотрела на ценник и положила бутылочку в свою тележку – в пакет с яблоками закопала. А тут и муж с пивом своим подоспел, спрашивает, ты мне тут что, станки для бритвы берешь или пену? Пену другую бери, от той у меня порезы по всей роже. Руки у тебя кривые, а не пена плохая, чуть не вздохнула Люся. А на кассе муж увидел бутылочку, крутит в руках и спрашивает: а это что? Ой, не знаю, засуетилась женщина, не знаю, как сюда попало, но не выкладывать же, давай возьмем, попробуем. Я такое не ем, хмыкнул муж, но ладно, пусть будет.

Принесла женщина Люся бутылочку домой, поставила в ванной да все смотрит на нее, не решается. Дважды инструкцию прочитала, там все просто оказалось: легкими массирующими движениями втирать крем в кожу, лечь спать и выкинуть дурное из головы. Но мысли смутные покоя не дают: а если не сработает? А если деньги впустую потратила? Оно, конечно, недорого совсем обошлось, буквально полкопейки, да еще и скидку дали, но все же неприятно будет. Наконец решила Люся, намазалась на ночь антицеллюлитным кремом по инструкции и спать легла. Встает на утро, глядит – а у нее весь целлюлит куда-то делся! И ножки прямые и стройные, как у девочки! Мама, мама, кричат дети с интересом, что это у тебя с ногами? Люся, Люся, стой, мне ноги твои очень интересны, кричит муж. А женщина наша уже убежала в ванную, заперлась и антицеллюлитным кремом с ног до головы обмазалась. И для пушшего эффекта тут же, в ванной на полу, и спать легла, укрывшись колготками.

Проснулась Люся через три часа – сама себя в зеркале не узнала! Молодая да красивая, грудь пышная, попа резвая, даже дурацкая горбинка с носа исчезла, и седина ушла! Ахнула женщина, распахнула дверь ванной – а дети очень обрадовались этому, потому как санузел-то у них совмещенный, писать хочется так, что уже из глаз капает! Тут крикнула женщина Люся:

– Ухожу я от вас! Вы меня на кухне заперли и работать заставляли! Каждому соплю подотри – ни одних сил не хватит! А что я имею? У меня даже отдельного санузла нет на тот случай, если срочно нужно полдня в ванной порыдаться, вечно кто-то ломится и кричит: мамочка, сейчас уписаюсь! До свидания, немывое семейство!

И ушла, представляете? Прямо ушла и даже ключи забыла взять! Выбежала на улицу в потянутой мужниной футболке, как гневная фемина какая-то, и давай рукой махать – машину ловить. А мимо как раз ехал один миллионер. Он обычно делал миллионерские дела свои, бизнес там всякий скучный, но в свободное время притворялся таксистом, ездил по городу и людей задаром возил в своей машине миллионерской, потому что очень разговоры всякие душевные любил. Прямо запросто с ними ртом своим говорил, представляете, совсем не гордый, даже не рассказывал, что он миллионер. Вы когда таксиста видите, сразу смекайте: может, он тайный миллионер-филантроп.

Увидел он Люсю и сразу понял, что должен ее подвезти и денег не брать. Что в целом логично, потому что откуда у босой женщины в потянутой мужской футболке деньги? Остановился он возле Люси, открыл окошко и говорит:

– Давайте подвезу вас, незнакомая женщина, я по вашему лицу понимаю, что вас срочно подвезти надо.

– Да, надо, – с вызовом говорит Люся, – отвезите меня куда мне надо! – и в машину садится, а сама думает: куда ж ей надо-то? Не к маме в село ведь. К подружке, что ли? Сидит женщина Люся и думает, к кому же ей ехать, а миллионер как взглянул на Люсину ногу, которая без целлюлита, и сразу понял: у этой женщины богатый внутренний мир и доброе сердце, такая не станет ему скандалы закатывать и маменькин хрусталь в столовой бить от пол. Поглядел он на Люсю и говорит:

– Я вот смотрю на вас и думаю, что вы королева какая-то, которая с бала сбежала, а тут карета и платье ее в тыкву обратились. Потому что с такой ногой и без горбинки дурацкой на носу только королевы бывают. У меня очень много денег и совсем некому их тратить, давайте вы, королева, станете моей женой. Я хоть сегодня все свои деньги, дворец и машину на вас перепису, но кота не отдам, потому что есть же пределы здравомыслия.

– Я подумаю, – царственно пообещала женщина Люся, кинув на миллионера презрительный взгляд. А затем кокетливо добавила: – Знаете, а у меня еще одна нога есть!

Что же это? Не иначе, как волшебный антицеллюлитный крем преобразил и ноги, и душу Люсину, заставил опять себя полюбить и носить, как хрустальную вазу! Конечно, замуж повторно женщина согласилась и стала жить с миллионером в его дворце, только антицеллюлитный крем из старой квартиры забрала. Намажешься раз в неделю – и как новенькая. Стала Люся натурально королевой: званые ужины да приемы, благотворительные концерты и заграничные поездки. И везде Люсю подарками осыпают, а один одноглазый арабский богач обещал себе глаз выколоть, если Люся не уедет с ним! Правда, не уточнил, какой глаз он выколет – настоящий или стеклянный.

Но вот беда: стал крем заканчиваться! Едет Люся с миллионером в машине, глядит – а у нее полное бедро целлюлита вдруг.

– Милый, давай заедем в магазин для простых смертных, – шепчет Люся и аккуратным красным ноготком тычет в супермаркет. Подивился богач ее, но ничего, отпустил и денег много с собой дал – сколько на карточку влезло. Забегает Люся в супермаркет, спешит в отдел косметики к заветной полке – а там нету бутылочки волшебной! Ценник есть, а бутылочки нет!

– Позвать мне менеджера! – топает женщина Люся. – И немедленно!

Прибежал менеджер, все кассиры, директор магазина и даже все покупатели прибежали – не каждый день посреди отдела косметики королева Люся скандал закатывает.

– Где, – спрашивает Люся, – крем антицеллюлитный в вооот такой бутылочке?

– А сейчас у менеджера спросим, – отвечает директор.

– Уточню у мерчендайзера, – кивает менеджер.

Привели мерчендайзера заспанного, на всякий случай для ясности мысли вылили ему на голову ведро холодной воды.

– Нет товара, закончился еще две недели тому, – сообщил перепуганный мерчендайзер.

– Нет товара в наличии, – вторит ему менеджер.

– Закончился, – пожимает плечами директор.

– А поставка когда будет? – умоляюще спрашивает Люся.

– А это только в головном офисе известно, – отвечают ей хором. Тут видит Люся – плохо дело: одно полупопие обмякло, как сдувшийся шарик. Женщина побежала дальше, везде крем ищет, на ходу по телефону во все интернет-магазины косметики в городе звонит. Кричит: достаньте за любые деньги! Мечется Люся, аж с лица спала, а ей все в один голос: нету, нету, пропал, не знаем, когда будет. Наконец говорят ей: вы, женщина, пойдите в аптеку на углу, если и там нету – то все, пиши пропало. Запрыгивает Люся в аптеку, спрашивает: а крем есть у вас? А ей отвечает провизор молоденький тооненьким таким юношеским голоском:

– Сейчас гляну, кажется, у нас оставалась одна бутылочка.

Рылся-рылся – нету.

– Позовите же кого-то другого! – чуть не плачет женщина Люся. Приходит старший провизор, смотрит в компьютер и говорит: извините, забрали с утра последнюю бутылочку, вы на час опоздали буквально. А больше не будет – крем отправили на перерегистрацию. Через год-другой в лучшем случае...

Взвыла Люся от отчаяния черного так, как в жизни не выла и... проснулась.

Проснулась, как обычная, с целлюлитом, горбинкой, вся моська в слюнке теплой – совсем Люся заспалась. Муж под боком сладенько во сне пукает. Кот орет в кухне – опять мимо лотка нагадил, сволоочь.

– Какое счастье, это всего лишь сон, – выдохнула Люся. – Как тяжело красивой быть!

И об одиночестве

А одна Маленькая, но очень Одинокая Девочка устала искать тепло и понимание в этом холодном и бездушном мире. Ведь в мире не было ни одного человека, который понимал бы ее и принимал такую, как она есть, со всеми изъянами и добродетелями.

– Но ведь есть же и просто хорошие люди, – говорили ей подружки. – И необязательно быть во всем похожими: главное, чтобы вам хорошо было друг с другом! Даже лучше, если вы в чем-то отличаетесь – будете друг дружку дополнять!

Правда, курицы? Вот и Одинокая Девочка была уверена, что родственные души во всем должны быть похожи. Ведь так совершенно невозможно поссориться, особенно если в доме два телевизора и туалета.

– Вы себе представить не можете, как это горько – просыпаться каждое утро и знать, что во всем мире нет ни единой души, которая во всем с тобой согласна и понимает тебя как себя! – всхлипывала Одинокая Девочка подружкам. Те, конечно, сочувственно кивали, но ничего не понимали. Дуры.

А однажды Одинокая Девочка нашла в интернете специальную программу, которая находит родственную душу. С точностью 95%. Девочка, конечно, не поверила, потому что у нее во всем мире нет человека, который поймет и оценит ее, но программу на всякий случай скачала. И даже интереса ради установила и свои данные ввела. Программа зашуршала, искала и сообщила:

– Отличная новость. Есть один человек на свете, который на 98% твоя родственная душа. Согласно статистике, у вас одни вкусы, предпочтения и ход мыслей. Да и внешне вы очень похожи, хотя он мальчик. Вот тебе его номера телефона, только звони прямо сейчас, пока он не сел смотреть сериал.

– Точно! – вспомнила Девочка, – сегодня же день выхода новой серии!

Не теряя ни минуты, она набрала номер телефона.

– Ало, – обреченно ответили ей.

– Привет, я твоя родственная душа! – сказала Уже Не Одинокая Девочка. – Программа посчитала, что мы на 98% похожи.

– Ух-ты! – обрадовались на другом конце провода. – А я думал, всю жизнь так и проживу одиноким, без родственной души! А ведь так хочется проснуться с утра и первым делом вспомнить, что у тебя есть человек, который смотрит на мир твоими глазами!

– Как же я тебя понимаю! – Девочка чувствовала себя очень счастливой. – Правда, ужасно, когда звонят приятели и спрашивают, как у тебя дела, а ты им и рассказывать не будешь, потому что все равно не поймут, да? И ты говоришь им, что все в порядке, хотя это совсем неправда.

– О да, – голос собеседника звучал очень радостно. – А как ты насчет ментолового мороженого?

– Спрашиваешь! – воскликнула Девочка. – Я же почти как ты! Обожаю ментоловое мороженое!

И они проговорили несколько часов, во всем друг с другом соглашаясь или еле-еле закончили беседу. Девочка заснула совершенно счастливая и проснулась утром рано-рано. Ее буквально распирало от радости, что наконец-то у нее есть родственная душа. Она тут же набрала вчерашний номер.

– Привет, – зашебетала Когда-то Одинокая Девочка в трубку, – правда, необычно знать с утра, что ты не одинок?

– Знаешь, – голос собеседника был какой-то безрадостный, – я тут всю ночь думал. Вот помнишь, мы вчера про мороженое ментоловое говорили? Понимаешь, я его терпеть не могу. А ты любишь. Боюсь, не получится у нас родственности.

– Да ладно, – возмутилась Одинокая Девочка, – это всего лишь мороженое! Ну мы ведь так похожи с тобой, а мороженое – это мелочи! Ну хочешь, я тоже возненавижу ментоловое мороженое?

– Я ведь тоже не терплю компромиссов, – вздохнул Одинокий Мальчик. – Уж лучше быть одному, чем с кем попало, кто даже не понимает тебя как следует.

И о мести

А одной женщине муж сказал, что она толстая. Она обиделась, занялась своей внешностью, сбросила 20 кило, помолодела, сделала короткую стрижку, надела молодежные шорты и пошла с мужем гулять. Тут-то его патруль и замел, заподозрив в педофилии.

– Я впервые этого дядю вижу, – сказала женщина о своем муже на суде. – Он ко мне приставал и предлагал конфеты.

Тут-то мужа и посадили.

Потому что месть подают холодной.

И об отключке

На новой работе совершенно не знали, что такое «личное пространство». Сперва я пытался привыкнуть и разыгрывал из себя хорошего парня.

– Ну что ты, не надо извинений, это ведь важно, – великодушно заявлял я, когда сотрудник бегло приносил извинения за звонок в два часа ночи. Но прошло пару месяцев, и мои синяки под глазами получили отдельный адрес на картах Google. Я взял на себя неблагодарный труд учить сотрудников правилам приличия.

– Ты на часы смотрела? – гремел я на девочку из отдела кадров. – Воскресенье, десять вечера – это для тебя что-то значит вообще?

– Ого, уже так поздно, – миролюбиво удивлялась девочка и продолжала рассказывать об ошибке доступа к какому-то там документу.

– Галя, остановись! – зывал я. – Куда уже ясней: у меня сейчас отдых! Законный! А ты мне мешаешь!

– Правда? – удивлялась Галя. – Какая досада, очень обидно работать в выходной, по себе знаю. Но ты быстренько сделай и отдыхай, хорошо?

Очень быстро стало ясно, что никакие доводы на сотрудников не действуют. Не работали воспитательные беседы, показательно сброшенные звонки; пару раз прямым текстом отправлял невежливого сотрудника в пеший эротический поход – и это не помогало.

От перенапряжения я заболел. Из офиса меня забрала «скорая». Я лежал в палате и смотрел в белый потолок, а телефон разрывался от сообщений в мессенджерах и звонков. У меня дергался глаз. Через день меня подключили к аппарату вентилирования легких, потому что у организма отпало всякое желание дышать. Телефон не прекращал разрываться, глухо вибрируя в беззвучном режиме. У меня онемели ноги и руки, я перестал чувствовать пальцы. Но тут у какой-то сердобольной нянечки не выдержали нервы. Она увидела, как беснующийся телефон выскользнул из-под моей подушки прямо на пол. Женщина ловко успела подхватить его до падения на кафельный пол – как жаль, может, он бы разбился!

– Милок, давай отвечу, может, мама твоя звонит или девушка, – и добрая нянечка приняла вызов. – Але. Нет, не Женя, я работаю нянечкой в палате интенсивной терапии, Женя не может говори... Я не знаю, когда он смо... Не могу я ему трубку дать, он под аппаратом. Под аппаратом, говорю! Искусственного дыша... Девушка, вы слушаете меня вообще? Не может он...

Ярость закипела у меня в груди и разлилась ядовитым огнем. Под перепуганным взглядом нянечки и других пациентов я выдернул из себя трубки и прорычал:

– Дайте мобильный сюда!

– Але, Женечка, у нас тут опять ошибка базы дан.. – залепетала сотрудница на другом конце телефона.

– Отстаньте! Я в реанимации! – рыкнул я, чувствуя, как силы вновь оставляют меня.

– В реанимации? Какой ужас! Ты же не умираешь? Женя, если ты умираешь, немедленно исправь эту ошибку, мы тут все не можем с документами работать...

Я потерял сознание.

Человеческая жизнь – это поход в супермаркет. Здесь есть пробнички и рая, и ада – выбирай, что хочешь. После всех мытарств меня не уволили, чему я бесконечно расстроился. Но сделал для себя вывод, что из этой истории впору извлечь кое-какие уроки, чтобы изменить жизнь – ведь пробнички рая и ада мы выбираем самостоятельно. Я удалил с мобильного все мессенджеры и стал переводить телефон на ночь в тихий режим. Сотрудники тоже не спали: они узнали мой номер домашнего телефона. Я потратил день, но разорвал с оператором договор и отключил домашний телефон. Они освоили голубиную почту. Я завел кота и научил охотиться

на голубей. Они обучили доставке почты летучих мышей, при виде которых кот терял сознание. Я повесил светодиодные гирлянды на окна. Мыши стали прилетать в темных очках. Я заложил окна кирпичами и через пару дней заметил в доме многоножку, к спине которой была привязана рабочая записка.

Тогда я понял: меня достанут везде, в любом уголке мира, на необитаемом острове, под водой, в стратосфере, да хоть на Марсе – найдут! Меня найдут и заставят что-то чинить, не считаясь с тем, что сейчас ночь выходного дня. Но ведь можно сделать вид, что я не слышу, когда меня зовут на помощь в нерабочее время!

Так я научился отключать уши. Это оказалось довольно просто, да и на теле нашлась удобная кнопка. Нажал – и тишина. Можно снять уши, промыть как следует под краном – ей-богу, они у меня никогда еще так не блестели.

Но сотрудники научились прожигать срочные сообщения на стене моей комнаты лазером через крохотную дырочку в заложном окне.

Тогда я чуть поднатужился и стал выключать на ночь глаза. Очень удобно, всем советую, особенно тем, кто проводит много времени за компьютером. Завел внутренний будильник, вытащил глазки, бросил их в стакан с искусственной слезой – и у глаз износ меньше от постоянного моргания, и у тебя мозг проветривается за ночь, никакого застоя.

Но коварные сотрудники освоили новые технологии и научились проецировать задачи прямо мне в мозг.

Тогда я понял, что выключить глаза и уши, чтобы отвоевать свой выходной – это по-детски наивно. Это как спрятаться в шкафу с одеждой. Единственное место, где меня никто не достанет – это мое подсознание.

И я стал учиться медитации. Сперва это было тяжело. Стоило закрыть глаза, как мысли собирались хмурыми тучами и ворчали:

– Ага, сидит он, медитирует от нефиг делать. А базу кто поднимет – Пушкин?

Бледный образ классика литературы протестовал:

– Позвольте, я не владею должными навыками! Да и база-то бухгалтерская, а не складская! Складской учет я бы еще хоть как-то поборо, да и проще там, бэкапы-то хранятся в облаке, а вот бухгалтерию, да поверх упавшего сервака, да с бэкапом двухмесячной давности – уж не обессудьте!

Я молча нырял в реку и наблюдал оттуда, как мысли переругиваются с Пушкиным. Со временем это стало требовать все меньше усилий. Я так хорошо научился отключать мозг, что мог сделать это где угодно, даже на работе. Это стало замечательным навыком, который почти спас меня от назойливых сотрудников. Очень удобно: сидишь на общем собрании, где все по привычке скидывают на тебя свои криворукие ошибки, подходит твоя очередь держать ответ – а ты мозг отключил, уставился в стену невидящими глазами, слюнку пускаешь и мычишь. На меня почти махнули рукой!

И я пишу «почти», потому что финдиректор заподозрил саботаж с моей стороны. Я стал замечать, как он присматривается ко мне и любовно дышит в шею, когда я работаю. Пару раз я заставал подозрительный микроавтобус под своим домом. Через неделю финдир вызвал меня к себе в кабинет.

– Есть подозрение, милчеловек, – начал он, – что ты не придурок, а притворяешься, используя йоговские техники. Это так?

– Я всего лишь хочу работать в рамках своего трудового договора, – спокойно отвечал я. – Человек имеет право на личное время и пространство. Не устраивает – давайте прощаться, подпишите, наконец, мое заявление об уходе.

– Чушшшшшшш, – финдир превратился в древнего змея. Его рубиновые глаза смотрели прямо на меня, будто пытаюсь втянуть меня внутрь. – Когда вы принимаете рабочие звонки, это не является работой, и вообще, вам что, сложно? Сложжжжжжжно дать ответ стражжжж-

жжждушим сотрудникам? Это все вашшшше человеколюбие? Сердца Бодхисаттв плачут от твоей жестокоссссти, презреннейшшший из смертных!

Я молча покинул кабинет и стал медитировать дважды в сутки. Мне становилось все легче вытолкнуть сознание за пределы своих привычных понятий и пребывать в тишине. Сосем скоро я заменил две часовые медитации на одну трехчасовую, а потом я и вовсе отказался от сна, заменив его одной шестичасовой концентрацией. Я чувствовал, как становлюсь чем-то единым со своим домом. Я знал все мысли соседки за стеной, без труда находил, куда опять подевалась соска младенца из квартиры двумя этажами выше и запомнил рецепт варенья из лепестков роз бабушки с верхнего этажа.

А скоро и весь город стал моим. Я слышал его, как самого себя. Я понимал мысли собак в подворотне и чувствовал, как голуби волнуются на крышах. Уходя в медитацию, я ощущал, как на моем информационном теле возникают тревожные мысли сотрудников, которые они сейчас запишут на бумажки и привяжут к почтовым тараканам, направляя тех ко мне домой. Я молниеносно передавал сослуживцам знания о том, как решить проблему, но в силу ограниченности ума они испытывали лишь отрывку. Я ощущал лишь безграничное сожаление, а не хотел их тут же убить, как это бывало обычно. Не у всех ведь достаточно благая карма, чтобы иметь мозги и чувство такта. Я отпускал свои злость и сожаление по их поводу. Мое сознание могучим драконом встречало рассвет, наполняясь любовью приходящего дня...

...и тотчас начинало рыдать, роняя горькие слезы. Черт, это же сколько за ночь накопилось срочных заявок!

И о справедливой цене

А один мужчина Виталий ходил очень грустный по большому супермаркету. Грустил он потому, что суббота, а жена говорит, мол, еды дома нету, поехали и купим. А сама вместо того, чтобы еду покупать нормальную, там колбасу или пельмени, уже полчаса картошку выбирает. И дочка, зараза, говорит: я, мол, на минуточку в отдел игрушек зайду, просто посмотрю, даже трогать не буду ничего, а сама уже вечность куклу клянит. И денег жалко, и скучно. Ну что в магазине приличному человеку делать-то? Отдел с автотоварами маленький, Виталий в нем уже развлекся как мог. В отделе мужской одежды пощупал свитера, но они были кусачие. Зашел в отдел с пивом, походил и побрякал – туда все женатые мужики заходят пройтись-побрякать и покрутить с видом знатока бутылку пива по цене однокомнатной квартиры. Взял было коньяк, а жену ему: зачем, положи, где взял. Вспомнил тут Виталий, что туалетной бумаги дома нет, взял ее с полки да стал проталкиваться к своей тележке с видом страдальца. Не мужское это дело – еду в магазине добывать, вообще непонятно, как выживать в таких условиях. Двигается Виталий к тележке, локтями знай работает и думу думает: а вот кабы у него была не его привычная вредная жена и не его ноющая дочка, а какая-то совсем другая семья. И чтобы слушались его! И улыбались! И чтобы вопросов глупых не задавали!

И вдруг Виталия из толпы вытаскивает женская рука. Красивая такая рука, многообещающая, тоненькая и с ногтиками такими, красненькими и остренькими. А к руке прилагается какая-то красивая незнакомая женщина, с кудряшками светленькими и глазами синими.

– Витаааалик, – удивленно говорит чужая женщина, – а ты что тут делаешь, котик мой? Заскучал без нас?

– Вы кто такая? – аккуратно отстраняется Виталий. – Я вас, женщина, совсем не знаю. К сожалению.

– Жена я твоя, – воркочет незнакомая красивая женщина, – ты же загадал, чтобы у тебя другая семья была – вот и получи. Я твоя жена, а вот твой сын, а вон твоя дочь. Мы тут сами-сами все купим, ты иди вон в кафешке пива выпей пока, отдохни. Это такой стресс для мужчин – в магазине ходить, что мы тут сами управимся, а ты пойдешь, отдохни! У тебя ведь выходной!

– Пива, конечно, хорошо бы, – хмыкнул Виталий, – но как я потом за руль сяду?

– Я поведу машину, котик, – хлопает новая красивая жена огромными ресницами.

Обрадовался Виталий и пошел в кафешку напротив пиво пить. В телефоне поиграл, две бокала выпил – а тут и новая жена освободилась, идет, тащит огромные пакеты – видно, что тяжелые, но не ноет ведь, не орет на него, Виталия: «что смотришь, помоги, морда пьяная!» Вот, что значит уважает! И дети такие милые, улыбаются папке, пакеты тащат ручонками маленькими, не ноют, что тяжело им и купи куклу, счастье какое, рай! Повернулся было Виталий искать свой Дэу Ланос, а новая жена ему:

– Котик, вон же наша машинка, куда ты?

Смотрит Виталий – а перед ним неплохонький такой Фольксваген Туарег красивого синего цвета, о котором Виталий полжизни мечтал. Упрятали покупки в багажник, дети на заднее сидение юркнули и пристегнулись, Виталий на пассажирское, а жена новая красивая – за руль. Едут и едут, жена все щебечет и выпытывает, что он, Виталик, на ужин хочет – стейк или котлетки с пюрешкой. Стейк, конечно, вкусно, особенно с темным пивом. Но котлетки – это котлетки, размышляет лениво Виталий вслух, а сам поглядывает, как жена новая машину ведет. А она ух какая ушлая у него, оказывается – ну чисто злой таксист за рулем, пару баранов подрезала и знай сигналит, если овца какая на светофоре заезается. Рано выводы делать, думает себе Виталий, но как для первого знакомства – неплохая жена, лучше, чем было; и тепло у него такое приятное в брюшке разливается.

А как домой приехали, так дети сразу откланялись и побежали учить уроки, а жена сразу на кухню и давай готовить. А Виталий ходит по дому – новому, огромному такому, ну чисто дворец, а не дом, ни пылинки нигде нету, хрусталь, цветы, кондиционер вон висит – и изучает, где что стоит. В туалете биде обнаружил – прикольная вещь, думает. Нашел телек огромный, включает – а там футбол.

– Я тебе, котик, не нужен? – спрашивает у жены через стенку. – А то тут футбол идет.

– Конечно, – отвечает жена через стенку, – смотри футбол, а я пока ужин справлю.

И пиво холодное несет, и рыбку соленую. А Виталик еще один плюстик ставит новой жене в уме. Смотрел Виталик футбол, свистел, орал и топал, когда наши продували – и никто слова ему кривого не сказал. А как футбол закончился, жена новая красивая несет миску глубокую с котлетами, и суп нажористый, на копченых ребрышках, и хлеб свежий, прямо из печи, и пиво холодное. А сама рядом встала, улыбается, ручки сложила, указаний ждет. Дети прибежали, стоят навтыжку, папке приятного аппетита желают. Поужинал Виталик, а обедки жена на кухню отнесла – детей кормить. Так покрутились – а уже глядишь и ночь. Виталик в новом доме еще путается, а после пива – так и вовсе пятнадцать минут спальню искал. Зашел – чисто хоромы, а не спальня. Сбросил с себя Виталик одежду и под одеяло нырнул. А тут и жена заходит, вся в красивом кружевном пеньюаре, с прической вот эдакой, игриво на Виталика глядит.

– Ты готов, котик? – говорит.

Ну, Виталия и спрашивать не надо – всегда готов. Запрыгивает новая жена в постель и вдруг обращается в страшное чудище с вот такими клычищами да к Виталику тянется, и вовсе не для того, чтобы супружеский долг выполнить, а очень даже с целью Виталика сожрать заживо или иное членовредительство учинить. И дети, дети откуда ни возьмись появились – и тоже с клычищами жуткими, тянут руки свои с когтями длинными к нему, к Виталику!

– Стойте, – кричит Виталик, – мы так не договаривались!

Но чудовища его не слушались, завалили и слопали с аппетитом все мозги Виталиковы за один присест.

Потому что все имеет свою цену. И если не хочешь платить в рассрочку – придется отдать все сразу.

Цикл «В стране воображаемых»

Воображаемый друг

3.

Билл был настоящим хулиганом. У крепко сложенного и высокого мальчишки был убийственный удар правой – спасибо шести годам занятий боксом. Он был на голову выше одноклассников, и эту каланчу педагоги замечали даже тогда, когда Билли прятался на задней парте, мечтая до конца урока стать невидимкой. Он в меру ненавидел всех, кто младше и не терпел авторитетов постарше – словом, у Билла были все данные, чтобы днями напролет, не прерываясь на обед и отдых, заставлять мир прогибаться под себя. Если бы не одно обстоятельство – он ужасно стеснялся.

Конечно, в истории его боевых подвигов бывали и светлые моменты. Так он до сих пор наполнялся гордостью, когда вспоминал об отобранном у одного мелкого горлопана завтраке. Но в целом гордиться было нечем: едва у Билла зачешутся кулаки, как он начинает ужасно стесняться.

Почему так было, как запускались механизмы стыда в его голове – совершенно непонятно. Конечно, на задворках подсознания всплывали мамыны слова о том, что Бог постоянно наблюдает за ним, за Билли, и потому Он видит все хорошее и плохое, что делает мальчик. Так или иначе, едва Билл замыслил какую-то пакость, как на него находило оцепенение: а как он подойдет к этому малышу, чтобы не выглядеть смешным? А что он должен ему сказать – «эй, ты» или «эй, сопляк»? А как ему дальше излагать свои требования? А стоит ли ему для вящего эффекта цинично сплюнуть на землю сквозь зубы? Билл замирал от ужаса, проматывая в голове все эти вопросы и чувствовал, как его ноги становятся ватными.

Природа придумала стеснительных людей, чтобы самоутвердиться за их счет, и особенно отыгралась на Билле. Он настолько измучился своим нереализованным талантом, что начал заикаться, краснеть по любому поводу и плохо спал по ночам. Мелюзга не боялась его, сверстники не обращали внимания, а компания местных хулиганов, к которой он хотел прикнуть, окончательно отказалась от идеи принять его в свой коллектив и каждый раз награждала презрительным взглядом при встрече. Хулиганы – люди тонкой душевной организации, они не могут смириться с тем, что кто-то пренебрегает своим природным даром обижать младших и высмеивать старших.

– Что со мной не так? – размышлял он как-то вечером. – Краснею как девчонка, когда мимо пролетает очередная мелюзга, размахивая своими деньгами. Так дальше нельзя. Мне нужно вдохновение.

2.

У фантазии не было другого повода изобрести Сэма, кроме как ради издевательства. Несуразно тощий и большеголовый, он неприлично хлюпал носом, даже когда у него не было насморка. Это и привычка постоянно ныть о своей несчастной жизни делали его самым нежеланным собеседником в стране Воображаемых друзей.

– Сэм, – говорили ему, например, соседи по общежитию для будущих воображаемых друзей, – айда на семинар Супермена! Восемьсот тысяч реальных людей в друзьях, из которых треть взрослые и даже две дамы за 80 – это ого-го!

– Ну, – настраивался Сэм на нытье, – а что это изменит?

– Как что? – удивлялись соседи. – У него есть, чему поучиться!

– А зачем, – начинал сокрушаться Сэм, – если меня все равно никогда не выберут?

Тут неопытные соседи допускали жуткую ошибку, утешая Сэма фразой о том, раз уж он есть – и на него будет спрос. Более опытные, помрачнев, отворачивались.

– Ну конечно, – заводил Сэм, – у вас зубы белые. И на животе кубики эти. Вас любой ребенок захочет. А кому нужен я?

У Сэма было, пожалуй, одно невероятное качество: он был очень настырным в вопросах собственного несчастья. Он не ленился преследовать благодетеля настолько долго, насколько это представлялось возможным в постоянно сползающих штанах. Или пока фундаментально не получал по щам.

Страна Воображаемых друзей жила светлым бытом, полным надежд, как на рассвете теплого майского дня. Высокие коридоры общежития дышали предстоящими подвигами и признанием. Сэм же, чувствуя свою откровенную ущербность, целыми днями мыкался по улицам, донимал нытьем воображаемых четвероногих друзей (да, бывают и такие) и не представлял, куда деть свое время.

Однажды ему даже показалось, что его никогда не выберут. Дети отлично разбирали воображаемых супергероев – не зря те просиживали днями и ночами в качалке. Взрослым – конечно, реже, чем детям – нужны были крепкие, надежные, преданные друзья обоих полов без личных проблем. Бывали, правда, и исключения: однажды правительство страны Воображаемых друзей немало удивилось, когда вполне удачливый бизнесмен оставил заявку, желая иметь воображаемым другом лысеющего филателиста. Впрочем, нашелся и такой. Немалым спросом пользовались эффектные, но туповатые нимфоманки, хотя даже в такой дружбе есть хоть какая-то приятность. Со всем ужасом Сэм осознал, что воображаемый друг, единственным качеством которого является одинаково гнусные внешность и внутренний мир, никому не нужен. Это дало новый рывок совершенствованию его искусства нытья. Впрочем, даже в саможалении есть какие-то пределы: Сэм просто опустил планку и стал мечтать, чтобы его забрал ребенок из семьи психоаналитиков – чтобы было, на ком тренироваться.

Так было. Шло время, новые будущие воображаемые становились настоящими воображаемыми и переезжали из общежития в коттеджный городок. Сэм уже не мог вспомнить никого, с кем бы заселялся в общежитие одновременно. В то утро, когда отчаяние было особенно сильным, он обнаружил лист со штампом правительства страны Воображаемых друзей, просунутый под дверь.

На листе было одно-единственное слово – «Завтра».

Впервые за свою жизнь Сэм почувствовал себя буквально окрыленным.

– А ты знаешь, – сообщил он заспанному соседу в комнате напротив, – я завтра все! На меня пришла заявка!

Не дожидаясь ответа, Сэм стал стучать во все двери подряд. Он так давно мечтал об этом: как он будет злорадно сообщать соседям, знакомым, будущим воображаемым четвероногим о том, что он уже выбран. А они еще нет.

– Гляди, знаешь, что это? – помахал он листом со штампом перед носом очередного сонного соседа. – Это мой пропуск! Теперь я – почти настоящий! А ты – нет!

И стучал в следующую дверь.

1.

В жизни у людей хватает волнительных моментов. И один из самых волнительных – отнюдь не первый секс, а первая встреча с воображаемым другом, который может стать мудрым наставником, искусным любовником или лучшим психотерапевтом. И иногда – законы страны Воображаемых друзей это не запрещают – всем одновременно.

Как можно представить себе в деталях то, что ты никогда не видел? Как можно понять, впервые представив себе кого-то, что он желает тебе добра? Как вообще можно довериться

придуманному тобой существу? Да никак, воображаемые друзья, впрочем, как и реальные, полны фальши. Только спросу с них меньше – попробуй предъяви воображаемому другу иск за разбитую машину или сердце!

– Привет, Билл, – поздоровался Сэм. – Меня зовут Сэм.

Билл с недоверием оглядел тощего сопляка, обошел его по кругу.

– Ты что вообще такое? – поинтересовался он.

– Я – твой воображаемый друг. Мы отлично повеселимся. Ты сможешь мне рассказать все, что у тебя накопело на душе! Мы придумаем тысячу приключений! Мы таких с тобой дел понаделаем, ух, как же я рад тебя видеть!

– А я-то как рад тебя видеть! – просиял Билл, повалив ударом кулака Сэма на землю.

Туда и обратно

Душно и муторно. Не спится. Простыня омерзительно липнет к спине. Если поворачиваешься, она послушно пытается повернуться вместе с тобой и только позже нехотя отслаивается.

К утру пришла Она. Мягко погладила по голове ледяной рукой, чуть взъерошив волосы. А может, это не она, а рассветный ветер из окна.

– Я тут, – тихо шепчет. – Я вернулась.

Она – это депрессия.

Мы с ней знакомы так давно, что наши отношения больше похожи на роман.

Я наперед знаю все, что будет происходить. Я тысячу раз слышал то, что Она будет говорить мне, но каждый раз как будто впервые ныряешь с головой в эту ледяную воду. Ныряешь, беспомощно хватая воздух ртом. Я перепробовал тысячу рецептов – таблетки, психотерапия, спорт, медитация. По нулям. Кажется, Она просто на меня запала. Возможно, это взаимно – спустя столько лет и совместных воспоминаний уже и не поймешь.

– Скучал без меня? – Она уже уютно устроилась у меня в ногах. Вздыхаю и переворачиваюсь на спину, простыня тянется за плечом. Мерзко. Надо в душ.

– Не особо, – рассматриваю угол. Там притаился паук Васька. – Не начинай, я не в настроении.

– Нет, ныряй сейчас, – и Она нетерпеливо закрывает мне глаза.

Я оказываюсь на дне депрессии.

Я же человеческим языком просил – не сейчас. Честное слово, сама виновата.

На дне живет моя знакомая толстая девушка. Тут в целом неплохо, иногда через тучи пробивается солнце, а когда толстуха вращает попой, переваливаясь с ноги на ногу или, трясая жирными щеками, кричит на меня, то жизнь вообще вполне сносна – настолько забавны эти зрелища. Унылая речка течет, болтая в своих мутных водах маленьких мертвых зверушек. Серое свинцовое небо дышит траурной осенью. Моя жирная подружка сидит на берегу.

– Ну, что тут у тебя новенького? – спрашиваю как старого друга, с некоторым воодушевлением.

– Падаль, как всегда, – подружка кривит рот, обнажая ряд желтых зубов. – Вчера лиска проплыла. Красивая – ух! Белый животик, рыжая мордочка...

Правда, она хороша? Прямо при встрече – сразу под дых. Мне жалко животных. Каждый раз мне кажется, что они здорово страдают из-за моей депрессии: уж больно много падали плавают здесь в реке. Мертвые зверушки для меня – всегда удар ниже пояса, а тут целая лисичка.

Но не сегодня.

– А солнышко-то у тебя тут припекает, – ехидно замечаю, взяв себя в руки. – Почти курорт. Вон как ты загорела и посвежела.

Жируха сердито сопит. А никто не обещал, что быть моим депрессивным глюком – легкая работа! Толстые пальчики сердито и быстро перебирают подол грязной юбки.

– Лес умирает. Воздух здесь ядовитый, – вздыхает она, театрально закатывая глаза. Ветер ворочает жирные волосы на голове толстухи. Я смотрю на противоположный берег, где деревья послушно высыхают на моих глазах, торопливо сбрасывая желтую листву. Одно дерево так спешило, что чересчур накренилось и вырвало корни из земли. Оно рухнуло с жутким треском, образовав мостик над болотцем.

– Вот видишь, – вздохнула жируха.

На упавший ствол запрыгнула толстая жаба и радостно – не вру, именно радостно – квакнула.

– Глади, как ловко, – кивнул я.

– Ты меня достал, – надулась толстуха. – Какой-то ты незрелый в этот раз. Вали-ка ты отсюда, а?

Я проваливаюсь на дно dna депрессии, и меня тотчас чуть не сбивает серый грузовик. Успеваю запрыгнуть на бетонную тумбу в основании моста. Сверху капает что-то соплистое и липкое. Отвратительно воняет грязными носками. Влажно так, что тяжело дышать. Мимо мчатся фуры и грузовики. За пределами моста – проливной дождь. Мне туда.

Бреду по длинной бетонной тумбе. Где-то тут меня ждет встреча с моим следующим депрессивным глюком – мальчишкой лет десяти. У него вши, вечно сопливый нос и родители-алкоголики.

– Явился – не запылится, – скрипучим голосом отмечает пацаненок. Я уже вымок до трусов. Пролетающие машины окатывают меня волнами ледяной воды.

– Привет, малец, – киваю. – Что новенького?

– Папка вчера квасил, – привычно завел свою волюнку мальчишка слезливым голоском, попутно вытирая драным рукавом грязный нос. – Схватил табуретку и на нас с мамкой кинулся... Братика грузовик сбил... Жучку бомжи на пустыре сожрали... метро, говорят, подорожает...

– Ты мне это в прошлый раз говорил, – напомнил я. – Нового-то чего? Может, сериал какой посмотрел прикольный?

– Дядя, ты тю-тю? – пацаненок даже обернулся, и я впервые увидел, что у него серые глаза. Не водянистые и безразличные, как ливень вокруг и зловонные лужицы под мостом, а ярко-серые, как асфальт сразу после дождя в лучах солнца.

– Да брось, – я уселся рядом с малым. – Рассказывай давай, что у вас тут смотреть принято? На дне dna моей депрессии?

– Ну, – пацаненок почесал затылок, – по вечерам мы смотрим порнуху с твоей бывшей и ее новым хахалем.

– Та ладно, тебе же восемнадцати нет, – возмутился я.

– И не будет, – ехидно заметил мальчишка, – я от туберкулеза раньше умру.

– Ври да не завирайся, – хмыкаю. – Ты – плод выдумки моей депрессии. По сути, бессмертное существо. Возможно, божественного происхождения.

Пацан покосился на меня и как-то странно шмыгнул носом.

– Ты это... Что сейчас ляпнул, а? – тихо поинтересовался он. – Какого нафиг божественного происхождения? С дуба упал? Думаешь, если ты на самом дне депрессии, можно вести себя, как скотина, да, дядя? За языком своим следи, вот что!

– Какой ты милый, малыш, – улыбаюсь так, что пролетающие мимо грузовики истерически сигналият. – Уже решил, куда поступать будешь, как школу закончишь?

– Маааааа! – пацан вскакивает, с ужасом глядя на меня. Он срывается с места и с воплями мчится к серым халабудам по другую сторону дороги. – Мааа, мамочкааа! Этот козел меня доведет, я те клянусь!

– Выучи столицы всех стран! – назидательно ору ему вслед. – Приду в следующий раз – проверю!

Пацан оборачивается, его лицо красное от слез. Он молча показывает мне непристойный жест и...

...я снова проваливаюсь. Я на днище dna dna депрессии. А давно я тут не был, честно говоря.

Это как метро, но без метро. Огромный тягучий подземный переход без единой лестницы наверх. Вместо ярких светильников – лампочки, которые расплывают дрожащий свет. Где-то впереди раздаются звуки негромкой беседы. По краям прохода сгущается сумрак, в нем копошатся жирные крысы, которые что-то – а возможно, кого-то – жрут. У меня в руках тяжелый, как мой характер, чемодан. В нем труп. Зачем он туда забрался – не могу взять в толк, ему

явно тесно в чемодане. Я слышу, как труп сердито пыхтит. Останавливаюсь, ставлю чемодан на землю и открываю его. Труп удивленно смотрит на меня.

– Ну хорош, – киваю ему. – Чемодан с трупом – это для снов, когда у меня высокая температура. А в депрессии моей ты что делаешь?

– Как что? – покойник пожимает плечами. – Антураж создаю. Атмосферу нагнетаю. Вообще не знаю, я Ей тоже говорил, что это уже перебор. Хотя мне-то что, у меня оплата фиксированная.

– Ей? – уточняю.

– Ну этой, фифе этой твоей, – раздраженно поясняет труп. – Депрессии. Но Она ж у тебя баба совсем безмозглая.

– Есть такое, – ухмыляюсь. – Сам ее разбаловал, никогда границ ей не ставил, вот Она и пытается творить, что хочет. Но фигурки. А теперь поднялся и иди отсюда, хорошо?

– Никакого уважения к мнимым покойникам, – возмутился мой собеседник, вылезая из чемодана. Он не очень хорошо владел телом. – Надеюсь, расчет-то будет по договоренности, как сверхурочные?

– Это не со мной обсуждай, – я пнул чемодан. – Вали отсюда. Шкандыбай куда подальше.

Труп презрительно поджал губы, поплелся сторону и исчез в полумраке.

– Жаловаться на тебя буду, – донеслось до меня уже издали. Валяй, жалуйся. Интересно, кому. Впрочем, подумать об этом я не успел – в аккурат подоспели они. Хорошо, что я покойника успел отправить восвояси.

– Слышь, Вася, курить есть? – парень в белой кепке. У него очень, очень сильная правая. Я вспомнил об этом, и мне стало заранее больно, немножко страшно и тоскливо. Сейчас меня будут бить.

– Угости по-братски, не жлобись, да, слышь, Вась, – еще один в фирменном «Абибасе», через полморды шрам. Кулаки у них чешутся. Не люблю с этой гопотой встречаться.

Хотя... с какой радости?

– Не курю, – с вызовом.

– Че, впадлу братву угостить, даа? – с обидой тянет белая Кепка, Абибас одобрительно кивает, двигаясь на меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.